

У дальних берегов

Алексей Силыч Новиков-Прибой.

Изд. М. Правда 1985 г. А.С. Новиков-Прибой "Цусима".

Origin: Сайт "Как наши деды воевали"

В ночь на 6 мая 1905 года, когда 2-я эскадра проходила между островом Формоза и Филиппинами, на горизонте обозначились контуры неизвестного корабля. Он шел без огней. Посланный к нему крейсер "Олег" выяснил, что это направляется в Японию с контрабандным грузом английский пароход "Олдгамия". На второй день русская команда, набранная с разных кораблей 2-й эскадры, заменила англичан, которые были перевезены на наши транспорты. Начальствующий же состав "Олдгамии" попал на плавучий госпиталь "Орел". Командир "Орла" капитан 2-го ранга Лохматов и главный врач Мультиановский, принимая пленников, переглядывались между собою и пожимали плечами, но ничего не могли поделать против распоряжения адмирала Рожественского. Оба они понимали, что с этого момента плавучий госпиталь был поставлен под угрозу японцев.

Русские матросы в числе тридцати семи человек, очутившись на борту чужого корабля, вначале чувствовали себя стеснительно и не знали, чем заняться. Их наскоро распределили в разные отделения по специальности. Боцман Гоцка, человек широкой кости, с круглым, слегка тронутым оспой лицом, любитель шутить при всяких обстоятельствах, весело понукал:

- Что вы, ребята, скисли? Щавелем, что ли, объелись? Или кораблей не видели? Живо принимайтесь за работу? Хозяева здесь теперь мы.

Матросы с трудом свыкались с незнакомыми для них механизмами. Особенно долго не налаживалась работа в машинном отделении. Туда вызвали прапорщика по механической части Зайончковского. Нетвердой, развинченной походкой он подошел к механизмам, с недоумением посмотрел на непонятные ему английские надписи и, постояв в нерешительности, махнул рукой:

- Вы уж тут сами как-нибудь разбирайтесь.

Машинист Кучеренко, бросив орлиный взгляд на удалявшегося прапорщика, буркнул:

- Тоже офицер! А насчет английского языка ничего не смекает. Давайте вертеть сами.

Машинисты долго приглядывались к разным приборам главной паровой машины. Наконец догадались, как управлять ею. Но аппарат по опреснению воды долго не могли привести в действие. Кучеренко неотступно возился с ним, как ребенок с непонятной игрушкой, и все-таки добился своего. Показывая кочегарам пущенный аппарат, он радостно воскликнул:

- Пошла Марфа за Якова! Вода будет!

А тем временем прапорщик Потапов, прибывший на "Олдгамию" раньше других офицеров, распоряжался на палубе. Этот малорослый блондин мелкими шажками сновал по палубе и, прищуривая маленькие глазки, не без удивления останавливался перед сложными судовыми приспособлениями. Затем он приказал команде грузить уголь с транспорта "Курония".

В разгаре этих работ на капитанский мостик к Потапову поднялись два прапорщика: впереди высокий черноглазый человек с хмурым лицом, за ним полнотелый улыбающийся блондин, пониже ростом.

Потапов, обращаясь к первому, отрапортовал:

- Русская команда распределена по специальности. Уголь грузим в ямы, но лучше бы грузить на палубу. Погода свежеет. Боюсь - помешает она нам.

- Одобряю, - сказал Черноглазый офицер и повеселел.

Это был вновь назначенный командир "Олдгамия" прапорщик по морской части Трегубов, только что прибывший с флагманского броненосца "Князь Суворов". Его полнотелый спутник, сделав шаг вперед, представился Потапову:

- Прапорщик Лейман. Прибыл с броненосца "Александр III". С сего числа имею удовольствие быть вашим соплавателем. Назначен сюда старшим офицером.

Для русских моряков началась новая жизнь на чужом корабле.

Через два дня "Олдгамия", отделившись от эскадры, пошла своим курсом на Владивосток. Больше она не встречалась с русскими кораблями.

Прошла ночь. Утром после побудки командир "Олдгамия", прапорщик Трегубов, приказал собрать команду на ют. При пасмурном небе дул очень свежий встречный ветер, заглушая слова начатой речи. Командиру пришлось повысить голос до выкрика. "Стоящим сзади матросам показалось даже, что он кого-то ругает. А один из них, Леконцев, спросил своего соседа:

- На кого это наш "горбач" так разорался?

Трегубов выкрикивал:

- Наша эскадра пошла через Корейский пролив во Владивосток. Туда же направляемся и мы. Но наш путь иной: вокруг Японии Тихим океаном в Охотское море. Мы должны в целости доставить этот пароход к своим берегам. Постарайтесь, ребята, в работе и зорко следите за горизонтом. Только не попадаться на глаза японцам. Помимо наград за отвагу, вы получите еще и призовые деньги за привод судна с контрабандой...

Командир ушел, ют опустел от людей.

Трое суток свирепствовал шторм, доходивший до десяти баллов. Шумели волны, вырастая в белопенные бугры. Молнии с треском и грохотом рвали черные тучи. На океан обрушивались ливни дождя, казалось, все небо задымилось от вспышек огня, но кто-то незримый сейчас же заливал их из гигантских шлангов, густо разбрызгивая струи воды. И среди этой разбушевавшейся стихии, качаясь и черпая бортами волны, шла одинокая "Олдгамия". Больше всех мучились кочегары, работая в закупоренной и душной преисподней. Многие из них, страдая морской болезнью, выбывали из строя. Они заменялись верхнепалубными матросами:

После полуночи 15 мая прошли мимо острова Аога. Погода улучшилась, ветер стих. На корабле наступило успокоение. Определили девиацию на все тридцать два румба. Матросы, отдыхая, разговаривали больше всего о 2-й эскадре и по-разному гадали о ней. Но никто из них не знал, что в этот день осколки ее, окруженные превосходными силами противника, выдерживают второй день боя. Машинист Кучеренко, уверенный в себе человек, рассказывал своим товарищам:

- На броненосце "Александр III" нас несколько человек было сверх комплекта. Я сам напросился на "Олдгамию". Уж очень мне хотелось узнать, какие устройства на английском судне.

Строевой матрос Леконцев, низкорослый плотный парень, жаловался:

- А я, когда узнал, что меня назначили на пароход, решил остаться на броненосце. Обращаюсь к начальству с просьбой - ни в какую. Я опять свое - хочу, мол, сражаться. А мне - по физиономии. Кровь изо рта и носа...

Рулевой Шматков передернул узкими плечами и, согнув свою высокую и худую фигуру, сбалагурил:

- Вот оно и выходит, как будто ты на войне побывал.

Два дня стояла хорошая погода. Командир Трегубов перестал следить за горизонтом и занялся другими делами. Сутулясь, он корпел над отобранными у англичан документами.

- Не верю я английскому капитану, - говорил он прапорщику Лейману. - Обманывает он. Груз, конечно, шел в Японию, а не в Гонконг. Сто пятьдесят тысяч деревянных ящичков, а в каждом по две пудовых железных банки с керосином. Я думаю, что ящичков у них будет поменьше. А под ними, вероятно, скрыт военный груз - орудия или снаряды...

Обыскивая каюту бывшего английского капитана, он заглянул за шкаф и очень обрадовался. Нашелся документ, отчасти подтверждающий подозрения командира. Груз действительно был адресован в Японию. У Трегубова в этот день было хорошее настроение. Проходя по верхней палубе, не убранной и грязной, он только поморщился, но кричать на матросов, как обычно, не стал. Зато на следующий день, 13 мая, командир разошелся с утра. Сутуля свою высокую фигуру, он медленно обходил верхнюю палубу и сердито вскидывал черные блестящие глаза на сопровождавших его прапорщиков - малорослого Потапова и полнотелого Леймана.

- Смотреть противно, в какую навозную закуту превратили корабль. Удивляюсь на вас, господа. Как будто вы никогда в жизни не служили на судах. Прошу вас немедленно заняться чистотой и наведением порядка.

Навстречу офицерам попался боцман Гоцка. На него и вылился весь гнев командира. Но тот нисколько не смутился и, весело глядя в лицо Трегубову, заговорил:

- Осмелюсь доложить, ваше благородие, после шторма команда только что пришла в себя. Завтра же все будет в порядке. А во Владивосток "Олдгамия" придет выкрашенной и чистенькой, как именинница.

Командир пригрозил боцману взысканием, если он не подтянет команду.

- Есть, ваше благородие!

Но и после этого упрямый боцман продолжал все делать по-своему. У него были свои расчеты - не мучить преждевременно матросов. Их энергия и сила могут пригодиться для более ответственных моментов, какие в дальнем плавании выпадают на долю моряков.

На следующий день, прежде чем свистать команду на уборку, боцман появился на мостике. Но офицерам было не до него. Прислушиваясь к их разговору, он понял, что авралу не бывать.

Лейман, показывая на море, обратился к командиру:

- Андрей Сергеевич! Что-то температура воды начала резко падать, и цвет ее на глазах меняется. А посмотрите, как заволакивается горизонт.

Трегубов окинул взглядом свинцовую муть начинающего волноваться моря и, повернувшись к своему помощнику, поспешно заговорил:

- Вот, вот, я этого ждал. Значит, мы находимся недалеко от Курильских островов. Течение проливов сказывается. Это и есть то, о чем предупреждал меня флагманский штурман полковник Филипповский.

Командир перевел взгляд на прапорщика Потапова:

- Теперь внимательнее следите за изменением цвета воды и чаще измеряйте температуру. Старайтесь иметь обсервацию. По счислению мы будем выбирать пролив Фриза или Буссоля.

Старший офицер Лейман увидел боцмана и, сойдя с ним на палубу, приветливо заговорил:

- Вот что, голубчик. Предупреди, чтобы все люди были на своих местах. Накажи впередсмотрящему - пусть не зевает. Приближаемся к проливам. Погода портится, всем будет жарко.

На мостике остались Трегубов, Потапов и рулевой Рекстен. Они с тревогой смотрели на надвигающуюся с горизонта мутную завесу. Туман, наплывая, сокращал видимость, дневной свет заметно тускнел. Вода из синеватой становилась мутно свинцовой, температура ее упала до шести градусов по Реомюру.

Ночью тревога среди людей усилилась; нашел густой туман, и стало еще холоднее, как будто корабль приближался к границам заполярья. Офицеры не спали. Утром 19 мая они собрались на мостике, с удивлением разглядывали друг друга. Бессонные лица их были землисто-бледны, веки припухли, и глаза стали какими-то слюдяными, бесцветными, словно выеденными за ночь туманом.

Старший офицер стоял перед командиром на расстоянии протянутой руки и все-таки плохо его видел. Он говорил:

- Вот мы и в полосе вечных туманов, Андрей Сергеевич. Теперь пойдём без обсервации. Для определения своего места мы можем руководствоваться только компасом, лагом, принимая в расчёт ещё местное течение. Сейчас же надо решить, каким проливом мы пойдём - Фриза или Буссоля?

Командир надвинулся всей своей высокой фигурой на Леймана, чтобы лучше его разглядеть в тумане, и сказал:

- Полковник Филипповский наказывал: куда ближе, туда и идите. А нам сейчас по счислению пролив Фриза ближе, чем Буссоля. И ошибки будет меньше. Распорядитесь взять курс на два градуса правее.

Прошла ещё ночь. В четыре часа утра по счислению корабль должен был находиться на широте $42^{\circ}58'$ северной и долготой $143^{\circ}32'$ восточной. Командир Трегубов был уверен, что приблизился к проливу Фриза между островами Уруп и Итуруп Курильской гряды. Он распорядился лечь на курс север-запад 17° , сделав общую поправку пять градусов. Туман густел. Людям с мостика ничего не было видно вокруг, кроме серой волнующейся мглы. Носовая и кормовая части корабля, кутанные туманом, пропали с глаз словно растаяли. Казалось, что от всего судна остался только один мостик с тремя людьми и плывёт он с ними в таинственную неизвестность. Командир, старший офицер и рулевой ходили теперь больше на воздухоплаватель, чем на моряков, и будто находились они не на мостике, а в гондоле воздушного шара, пробивающегося высоко над морем сквозь толщу густых облаков. Командир то поднимался на цыпочках, как это бывает с человеком, который ловчится взглянуть из-за простенка, то приседал на корточки, стараясь хоть что-нибудь разглядеть впереди, но серая, завлакивающая пелена была непроницаема. Такого густого и постоянного тумана нельзя больше встретить нигде на всем земном шаре. Это феноменальное явление природы объясняется тем, что у Курильской гряды сталкиваются два течения: тёплое со стороны Японии, холодное со стороны Охотского моря.

Если бы посмотреть на пароход со стороны, то он показался бы блуждающим призраком. В этом месиве водяных паров не было видно людей, и не слышались их голоса. На верхней палубе было мертво.

Командир, желая проверить, находится ли впередсмотрящий на своем посту, завопил словно от боли на отчаянно высокой ноте:

- На баке!

- Есть на баке, ваше благородие! - глухо послышалось в ответ с носовой палубы.

- Не зевать! Зорко смотреть вперед.

- Стараюсь, ваше благородие! А только ничего разглядеть невозможно. Такой густой туман, точно в мыльную пену окунулись.

Впередсмотрящий матрос находился на самом носу судна, но, казалось, что он переключается с командиром из бездны.

Временами, чтобы по глубине определить свое место, стопорили машину и бросали дип-лот, выпуская его до ста сажен. Морское дно оставалось недостижимым. И лишь около восьми часов утра достали глубину – пятьдесят сажен. Уменьшили ход до малого. Начали давать свистки в надежде услышать эхо от берегов. Со стороны левого крамбола послышался отзвук, точно откликнулось другое судно. Это означало, что в этом направлении находится какая-то скала, отражающая звук свистков. Командир приказал взять курс правее на шесть градусов. Дали опять свистки, и эхо стало отходить к левому траверзу. Но странно было, что вместе с этим начала уменьшаться глубина и зыбь. Подул ветер, однако тумана он разогнать не мог. Только на короткое время в разрыве мглы показалось тусклое светящееся пятно вместо солнца. В этот момент моряки увидели над кораблем буревестников и чаек. Они реяли низко, а это служило признаком близости берегов. Но так продолжалось недолго. Снова накатился вал тумана, и совсем пропала какая-либо видимость. На мостике, где сошлись три строевых прапорщика, с каждой минутой нарастала тревога. Их очень беспокоили свистки своего парохода - вдруг услышат японцы, которые, наверно, блокируют проливы. Лучше бы пройти бесшумно,

но, с другой стороны, была опасность налететь на скалы. Свистки продолжались, и эхо на них откликалось уже со всех сторон. Было такое впечатление, как будто "Олдгамия" окружена неприятельскими судами.

Офицеры нервничали.

Но вот от лотовых стали доноситься на мостик утешительные возгласы о результатах промера глубины моря:

- Шестьдесят!

- Восемьдесят!

- Проносит!

Командир снял фуражку, погладил самого себя по темно-русским волосам, как гладят мальчика по голове за хорошее поведение или сообразительность, и набожно перекрестился. Обернувшись к повеселевшим офицерам, он спокойно, с облегченным вздохом промолвил:

- Слава тебе, господи. Кажется, проскочили в Охотское море

Он надел фуражку и уверенным голосом скомандовал в машину:

- Полный вперед!

Сильнее заработали машины, и оживились люди на мостике. А старший офицер Лейман, стоящий с командиром, даже пошутил:

- Ну вот, Андрей Сергеевич, как хорошо все кончилось! Выходит, что зря волновались. Не так страшен черт, как его малюют

Но тут, резко перебивая шутки Леймана, раздался тревожный возглас впередсмотрящего:

- По носу слышу буруны! Сильно шумит!

От этих слов люди на мостике оцепенели, затем командир, раздражаясь руганью, приказал дать полный ход назад и положить лево руля. Пока этот приказ выполнялся, пароход продолжал идти вперед, навстречу своей гибели. Как ни густ был туман, но и офицеры с мостика могли теперь разглядеть пенящиеся буруны. Явственно доносились шумные всплески волн, бившихся в камнях. И тут же люди пошатнулись от толчка, судно заскрежетало днищем, проползая по шершавому каменистому грунту, и остановилось.

- Полный назад! - продолжал кричать командир в машину

Но корабль, накренившись на правый борт и приподняв нос, не повиновался воли людей. После некоторого замешательства, во время которого люди беспомощно метались по судну, были приняты меры для спасения "Олдгамии".

Для осадки кормы начали наполнять балластную цистерну водой и для облегчения носа - выкидывать за борт деревянные ящики с керосиновыми банками. В сторону кормы завезли два верпа - в тридцать и восемьдесят пудов, потом их выбирали лебедкой, и одновременно работала машина, давая полный задний ход. Но "Олдгамия" не двигалась с места.

К полудню туман поредел. Слева обозначились скалы, покрытые снегом, возвышаясь перед судном, точно белые чудовища. Некоторые вершины гор достигали высоты более версты над уровнем моря. Подножья утесов заросли кустарниками. Людям хотелось скорее освободить корабль из этой мрачной западни, и они без понукания старательно работали. В этом тяжелом аврале бок о бок с матросами трудились и офицеры и даже сам командир. Была надежда, что в четыре часа вечера полный прилив воды приподнимет судно, и его легче будет снять с мели.

Но надежда эта не оправдалась. Во всю силу заработала машина. От напряжения корабль дрожал бортами, словно сам сознавал весь ужас своего положения и стремился сорваться с зацепы. Не помог и прилив. Люди поужинали, немного отдохнули и опять взялись за работу. Она не прекращалась до полуночи. Было уже выброшено за борт около пятнадцати тысяч ящиков. Они разбивались о камни и, освобожденные от укупорки, белые жестяные банки с керосином плясали на бурунах. А через борта продолжали еще лететь в воду ящики. Моряки до того с ними измотались, что уже двоим не под силу было

поднять один ящик. Пришлось аврал прекратить. Выпили по чарке рому, и все, не раздеваясь, разлеглись где попало и крепко заснули.

В эту ночь остовой зыбью закинуло корму "Олдгамии" ближе к берегу. Подводной частью корабль толкался о камни. Люди снова принялись за спасение судна, облегчая все четыре трюма от груза. К четверем часам вечера с большим трудом завезли становой якорь. Заработала лебедка, машине дали задний ход. Но якорь сползал, а если и забирал грунт, то рвались перлиня. "Олдгамия" точно присохла к морскому дну. С наступающей темнотой увеличилась зыбь. Днище корабля где-то проломилось, и в льялах показалась вода. Помпы не успевали ее откачивать. Она начала заливать кочегарные отделения и главную машину. Во избежание взрыва командир распорядился выпустить пары из котлов. Оставаться на судне было опасно. Спустили две четырехвесельные шлюпки и два спасательных бота. Люди, захватив с собою самое необходимое, перебрались на них. Но куда и как можно было пристать ночью и в такую скверную погоду? Боты и шлюпки поставили между берегом и кораблем, закрепившись за его борт, и стали ждать утра. Здесь, под защитой корпуса корабля, меньше было ветра и зыби. И все же морякам было не до сна. Летели на них брызги и давил мрак, густой и непроницаемый, как черная стена. За другим бортом, словно страдая от бессонницы, ворочался и тяжело охал океан. А со стороны берега доносился рокот разбивающегося о камни прибоя. Чудилось, что кто-то необыкновенно сильный, обезумев от ярости, пытается опрокинуть скалы в глубину вод.

Оба бота стояли рядом, но с того и другого люди не видели друг друга. Только слышались изредка их голоса, усиленные, чтобы перекричать бурный мрак. Чей-то бас прохрипел:

- Эй, на боте! Как поживаете?

С другого бота ответили:

- Живем, хлеб жуем и думаем о горячих пирогах.

Послышался знакомый голос машиниста Кучеренко:

- Днем и то ничего не разберешь. Такие густые туманы, как будто они сошлись сюда со всех сторон. А сейчас точно в сырое чертово логово попали.

- Вот и вспомнишь свой корабль, как родной дом, - вставил матрос Леконцев.

Забрезжил рассвет, мутный и пасмурный, но туман заметно рассеивался. И вдруг с палубы корабля раздалось протяжное пение петуха, оставленного там на ночь в клетке вместе с курицей. Ни высокие широты севера, ни влияние природных стихий не могли нарушить инстинктивных повадок этой чуткой домашней птицы. Неутомимые етуны-чайки снизились к воде и закружились с криками у самого бота, как бы желая разглядеть голосистого певуна, быть может впервые услышанного ими в этих диких местах. А петух еще несколько раз повторил свой задорный салют туманному утру на море. Пение петуха напомнило людям о далекой родине, вызвало прилив силы и жажду жизни, за которую им еще предстояла трудная борьба. Они быстро, начали подниматься на палубу.

"Олдгамия" за ночь прогнулась серединой корпуса. У командира сложилось впечатление, что она может разломаться пополам. Он торопил боцмана. Доски, консервы, котлы, разная посуда, мука, ящики с галетами, клетка с петухом и курицей и все, что могло пригодиться для временной жизни на новом месте, старались увезти с собой на берег. Два бота и шлюпка долго искали удобного пристанища и остановились за километр от корабля, но и здесь подойти к берегу мешали отмели и камни. Матросы по пояс сходили в воду и, окатываемые бурунами и прибором, тащили захваченное добро на себе. Только к полудню закончилась переправа на неизвестный остров.

Командир и три матроса остались на судне. Трегубов приказал Кузьменко и Кошелеву зажечь керосин в двух трюмах на корме, а Леконцев, как самый смелый и расторопный человек, то же самое должен был сделать в двух носовых трюмах, эти люди рисковали своими жизнями. Под ними находилось около трехсот тысяч пудов горючего груза.

Матросы разошлись. Прошло несколько минут. Не видя признаков поджога, командир от нетерпения, громко закричал:

- Скоро ли? Море, что ли, поджигаете?

Наконец все четыре люка задымилась. Матросы прибежали к штурмтрапу. Они посторонились, чтобы пропустить командира, но тот, подтолкнув их вперед, последним спустился в ожидавшую шлюпку. Едва она успела отчалить от борта, как внутри судна что-то с грохотом загудело. В ту же секунду над кораблем, как парус, встала высокая стена и от порыва ветра повалилась вниз. Пламя, вытянувшись, метнулось к шлюпке. Казалось, огненный удав хлестнул хвостом сидящих в ней людей. Их обдало жаром, опалив брови и усы.

- Навались! - во всю силу легких скомандовал командир гребцам.

В следующее мгновение ветер подхватил пламя вверх, и шлюпка вышла из опасности. С каждой секундой огонь на судне бушевал яростнее, и даже хлынувший ливень не мог подавить силу пожара. В его свете дождь походил на низвергавшиеся с неба струи расплавленного серебра. Взрывы керосиновых банок усилились, и это было похоже на то, как будто незримый противник стрелял в "Олдгамия".

Моряки зажили береговой жизнью.

Первую ночь провели, греясь у костра и прикрываясь от дождя брезентами. И все же люди успели отдохнуть, собраться с силами. Рано утром, словно по команде, поднялся весь отряд в сорок один человек. Проголодавшись, первым делом принялись за завтрак: ели мясные и овощные консервы и пили чай с английским вареньем. Только теперь можно было оглядеться кругом. Куда их занесло? Природа поражала своей суровостью, отвесные утесы, изрезанные берега, скалистые горы в снегу, мелкие кустарники в долинах, буруны среди камней, мглистые дали океана. Неумолчно шумели соленые воды, разбиваясь о рифы. Тучами носились чайки разных пород, то замолкая, то вдруг издавая такие дребезжаще-визгливые выкрики, словно среди пернатого царства произошло какое-то необычайное событие. Но больше всего удивляло людей скопище тысяч каких-то птиц на отвесной скале маленького острова. Эти птицы сидели молча, копошились, некоторые из них по утиному ковыляли к краю каменной стены и, падая, расправляли крылья. Но на воде они легко плавали и ловко ныряли. Необычайное зрелище представлял собою берег моря против лагеря - весь он был загроможден грудями ящиков и белых жестяных банок с керосином, досками и разными деревянными вещами. Все это было выброшено, как балласт, во время разгрузочного аврала и затем волнами прибито к острову. На берегу валялись и мертвые птицы с опаленными перьями. Очевидно, ночью они попадали в пламя пожара и, задыхаясь, падали в воду. "Олдгамия" все еще продолжала гореть, поднимая огненные языки до ста футов высотой, и от нее расплывались клубы черного дыма, смешиваясь с туманом и сак бы образуя грозовые тучи, нависшие над морем.

По распоряжению командира матросы принялись за оборудование лагеря. Доски и брезенты, снятые с парохода, пошли на постройку палаток. Приступив к работе, люди обнаружили, что они захватили с собою из кочегарки лопаты, но топор и пилу из плотницкой второпях взять никто не догадался. Эти инструменты пришлось заменить ножами, что значительно затрудняло дело. Однако к вечеру на диком месте лагерь принял благоустроенный вид: стояли недалеко друг от друга две палатки, одну из них, офицерскую, назвали "кают-компанией", а другую, матросскую, "кубриком"; вырытая под продуктовый склад яма называлась по-корабельному "ахтерлюком"; сделанное в пригорке углубление с отверстием для дымохода гордо именовалось "камбузом". Главное богатство лагеря заключалось в огромном запасе топлива: с берега натаскали множество ящиков и банок с керосином - пригодятся для разжигания костров.

Командир и здесь поддерживал порядок и дисциплину. По утрам старший офицер Лейман выстраивал команду во фронт. Трегубов выходил из палатки, принимал рапорт от своего помощника и важно, как на судне, здоровался с матросами. Некоторые из них слышали, как он наказывал своему помощнику:

- Прошу вас держать нижних чинов в строгости. Я ни при каких обстоятельствах не допущу распушенности. Если кто нарушает дисциплину - доложите мне. Я найду меры воздействия на виновных.

Старший офицер Лейман слабо возражал:

- По-моему, команда у нас отличная. И мне кажется, нет надобности очень подтягивать ее. Здесь все стараются сами для себя.

- Я не говорю, что матросы у нас плохи, но они хороши, пока держишь над ними кулак наготове. Нужно, чтобы каждый из них на каждом шагу чувствовал власть офицера, как чувствует лошадь узду своего хозяина.

Три дня стоял туман. За это время люди ничего не предпринимали и только пили, ели и спали. Посменно, днем и ночью, дежурил часовой, охраняя покой лагеря и следя за мутным горизонтом - не появится ли какое-нибудь судно. Петух, привязанный на длинном шнуре к колышку, встречал каждый рассвет голосистым пением. Это доставляло тоскующим морякам большую радость. Но наступило такое утро, когда никто не услышал его голоса. Оказалось, что ночью он был похищен лисою. Ей тоже отомстили матросы - унесли у нее лисенят. Три ночи подряд она приходила к лагерю и тихим лаем и повизгиванием манила своих детей из человеческого плена.

Офицеры продолжали гадать, куда они попали. Командир уверял, что "Олдгамия" наткнулась на остров Итуруп. Но каково было его удивление, когда 25 мая рассеялся туман и по солнцу удалось наконец определить свое место: широта 45°55' нордовая и долгота 150° восточная. А это означало, что они попали на более северный остров - Уруп, отделяющийся от предполагаемого проливом Фриза. Командир объяснил своим офицерам:

- Значит, вот в чем была наша ошибка. Согласно наставлениям флагманского штурмана я принимал в расчет течение на вест-зюйд-вест. А его здесь совсем не оказалось. Вот почему мы и врезались в середину острова Уруп.

Прапорщик Потапов возразил:

- Да, но тот же флагманский штурман предупреждал нас - быть как можно осторожнее у Курильской гряды. Мы не должны были входить в пролив, пока точно не определили своего местонахождения. В противном случае нам нужно было дожидаться рассеивания тумана. Сами мы оплошность сделали...

Трегубов вспыхнул и как будто хотел ответить на это резкостью, но сдержался.

Люди отдышали еще три дня, и, наконец собрав офицеров и команду, командир объявил:

- На шлюпках нам рискованно добираться до Сахалина. Надо что-то придумать другое. По карте в десяти милях от нас будет маленький порт Товано. Если там окажется какое-нибудь судно, то мы или найдем его, или захватим вооруженной силой. Найдутся охотники в разведку?

Первым назвался машинист Кучеренко, вторым - матрос Леконцев, а за ними еще десять человек. Их разделили на два равных отряда. Один из них под командой прапорщика Леймана направился на север, другой, возглавляемый самим командиром, пошел на юг. Провизии взяли на неделю, вооружились винтовками и револьверами.

Трудности похода начались сразу: никаких дорог и даже троп нигде не оказалось. Приходилось то пробиваться сквозь колючий кустарник, то взбираться по обрывистым скалам, то спускаться в ущелья и переходить горные речки по пояс в воде. За два дня одолели не больше семи миль. Это расстояние было очень мало в сравнении с окружностью острова, длина которого тянулась на пятьсот с лишком миль. Выбившись из сил, обе партии вернулись обратно, не принеся никаких утешительных сведений. Уруп, по-видимому, был необитаем.

Перед моряками стоял вопрос: как быть дальше? По расчетам, провизии у них хватит только на два месяца. За это время может не появиться здесь ни одного судна. И тогда им будет угрожать голодная смерть. Оставалось лишь одно - пусть какой-нибудь бот

доберется с частью людей до Сахалина и даст знать об остальных. Командир приказал матросам искать подходящие деревья для сооружения мачт. Вдали от лагеря были найдены два толстых бревна, прибитые к берегу морем. Сырые, они были настолько тяжелы, что их с трудом приволокли ближе к лагерю. Из них нужно было сделать две мачты - по одной на каждый бот. Сначала решили оборудовать один бот. Без топора, без пилы, без рубанка, с одними только кухонными и карманными ножами принялись за работу. Строгали и резали толстое бревно, превращая его в шлюпочную мачту определенной длины и в руку толщиной. В стороны отлетали лишь тоненькие стружечки. Особенно долго приходилось задерживаться, если под руку попадался сучок, твердый, словно кость. Машинист Кучеренко, сидя верхом на бревне и работая, ворчал на стоявшего рядом боцмана Гоцку:

- Хороший ты у нас начальник, а вот забыл все-таки самое главное - топор и пилу. Теперь ковырайся с этим делом. Это все равно, что гору языком слизывать.

Боцман оправдывался:

- Не то на уме у меня было. Командир меня затыркал. Спешка, суматоха. А впрочем, не унывай, ребята. Бобры только зубами действуют, да и то с деревьями чудеса делают: А у вас - ножи.

Лагерь принял вид импровизированной судостроительной верфи. Тех матросов, которые уставали, боцман сейчас же заменял другими. Работа ни на одну минуту не прекращалась. И все же дело медленно двигалось вперед. К вечеру люди с удивлением увидели, что бревно мало убавилось в своей толщине.

В то время когда часть команды была занята выделкой мачты, другая распарывала широкие шлюпочные чехлы. Из них ворсой, раскрученной из пенькового каната, шили паруса. Из этой же ворсы вили шкоты.

Наконец через четыре дня бот номер первый был оснащен для дальнего плавания. Все население лагеря, обрадованное окончанием работ, вышло на берег. Ветер надул самодельные паруса, и окрыленное суденышко плавно вышло в море на испытание. Оно прошло мимо "Олдгамии", которая еще продолжала гореть, и вернулось к берегу. Командир, убедившись, что их работа не пропала даром, тут же назначил своего помощника, прапорщика Леймана, начальником первой партии в составе десяти матросов. Отплывающие вооружились, запаслись пресной водой и провизией на две недели. Условились, что командир будет ждать на острове от Леймана вестей в течение пятнадцати - двадцати дней.

За ночь туманная погода сменилась на ясную. Утром 4 июня опять все вышли на берег провожать бот. Прощаясь с Лейманом, командир сказал:

- Постарайтесь захватить какую-нибудь встречную японскую шхуну. Тогда мы сможем все сразу сняться с острова. Если в пути никто не попадетсЯ, то спешите на Сахалин и скорее за нами судно присылайте. Ну, желаю вам попутного ветра!

Командир был серьезен. Пожимая руку своему помощнику, он строго, начальнически смотрел на него черными глазами. Прапорщик Лейман улыбался, точно ему предстояло только прогуляться в море.

Бот дрогнул, когда легкий ветерок надул его паруса, и направился к проливу Буссоля. В лагере осталось еще тридцать человек. Все они стояли, и смотрели на удалявшихся своих товарищей, переживая смешанное чувство: и зависть к тем, что скоро будут на родине, и боязнь за них, что они могут погибнуть в волнах, и пробуждающуюся надежду, что только от них можно ждать помощь. Так люди не расходились до тех пор, пока бот не скрылся совсем.

На острове Уруп несколько дней отдыхали. Любопытные слонялись по берегу, присматриваясь к диким местам. Еще раз организовалась партия для розысков жилья на острове, но и она вернулась ни с чем. От нее только узнали, что в трех милях от лагеря имеется речка, поразившая обилием рыбы. Матросы часто стали ходить туда и все придумывали, как бы воспользоваться водяной живностью. У них не было ни удочек, ни

сетей. Выручил всех матрос Леконцев. У него в чемодане случайно сохранились сетки, которыми на вахте кочегары вытирают пот. Из этих сеток был тайно связан им сачок, по бокам которого он надвезал две простыни. Получился почти бредень. Когда Леконцев объявил во всеуслышание, что он наверняка поймает рыбу, ему не поверили и его осмеяли. Командир, усмехаясь, заявил:

- Если хоть одну штуку поймаешь, дарю тебе бутылку рома.

Леконцев пригласил с собою трех товарищей и ушел на рыбную ловлю. Часа через четыре рыбаки вернулись, встреченные радостными восклицаниями. Рыбы было притащено около двух с половиной пудов, и какой рыбы! Здесь была форель и семга. Это было очень кстати: запасы провизии убавлялись с каждым днем, а пополнить их было неоткуда. Все благодарили Леконцева за изобретательность. И сам командир дивился, но слово свое сдержал - охотно выдал ему бутылку рома. Уха была жирная и вкусная. Часть рыбы была зарыта в снег, сохранившийся в лощинах. С этого дня рыбные запасы в природном холодильнике лагеря не выводились.

По распоряжению командира начали сооружать второй бот. Опять посменно одними ножами матросы выстругивали из бревна мачту. У них уже в этом был кое-какой опыт. На этот раз прочнее и лучше сшили паруса и скрутили из ворсы шкоты. И когда работа подходила к концу, у боцмана вышло столкновение с командиром. Гоцка уверенным тоном доказывал, что бот в таком виде не годится для дальнего плавания - при сильной волне он может развалиться. Нужно под киль пропустить стальной трос и закрепить его вокруг мачты. Таким образом, и бот будет более надежный, и мачта прочнее будет держатся. Трегубов возражал, что эти меры увеличат трение и убавят ход. Долго спорили, горячились. Боцман все-таки поступил по-своему. А на следующий, день группа матросов в уступе горы копала землянку. Но никто из них не мог догадаться - для чего она вдруг потребовалась командиру. Это стало ясно для всех, когда в эту землянку, вместо карцера, был заключен боцман Гоцка. У ее входа стоял часовой. Арест боцмана на команду произвел угнетающее впечатление. Вечером у костра машинист Кутеренко, разговаривая с товарищами, возмущался несправедливостью командира.

- Ведь вот что обидно - человек дело советовал. Можно сказать, о жизни своего же начальника заботился. А он на чужой земле под арест его. Ну, там, скажем, в Петербурге, веками каменные тюрьмы понастроены. Власть имущих, понятно, подмывает выискивать жильцов за эти решетки. А здесь зачем тюрьму делать? Ведь и без того мы находимся дальше, чем сам Сахалин, куда каторжан ссылают. И вообще неизвестно, будем ли мы живы?

- Да, нам и так здесь хуже, чем в тюрьме, - проговорил кто-то хмуро.

Кучеренко, подумав, добавил:

- Неужели люди нигде и никогда не могут обойтись без тюрьмы? И всего-то нас тут три десятка. А если бы двое остались на острове - значит, опять один для другого устроил бы тюрьму?

Прошло две недели с того дня, как расстались с первым ботом, а из России не было никакой помощи и никаких вестей. В лагере всех тревожил вопрос - что с ним случилось? Либо он попал к японцам в плен, либо погиб в море. Командир решил сам испытать счастье и отправиться в рискованный рейс. Он знал, что в боте будет тесно, и все-таки взял с собою тринадцать матросов. В его расчеты входило, чтобы оставшихся было как можно меньше, иначе на двух остающихся маленьких шлюпках они, если понадобится, не смогут даже перебраться с одного острова на другой. Вечер прошел в сборах к отплытию. На бот погрузили провизию, анкерок и банки из-под керосина, налитые пресной водой, запаслись компасом, хронометром, секстантом и биноклем. Кроме того, взяли четыре винтовки и пять револьверов. Выпущенный на свободу боцман хлопотал около бота, стараясь так уложить разные предметы, чтобы они не мешали работать гребцам.

До поздней ночи в офицерской палатке были слышны возбужденные голоса. Это спорили между собою командир Трегубов и прапорщик Потапов. Оказалось, Потапов был

недоволен командирским предписанием. В нем говорилось, что начальником лагеря на берегу остается прапорщик по механической части Зайончковский - по старшинству лет, а Потапову вручалось командование на море, как более опытному судоводителю.

С раннего утра 22 июня началась посадка на бот.

В это время разгоряченный прапорщик Потапов догнал командира на берегу и вручил ему бумагу. Трегубов на ходу молча прочитал ее, сел на бот и оттуда, махая бумагой, резко выкрикивал:

- Это вам, прапорщик Потапов, так не пройдет. Ваш возмутительный рапорт я представлю в Петербурге в главный морской штаб.

- Я этого только и хочу - ам нас рассудят, - ответил Потапов и, отвернувшись, зашагал к лагерю.

Вслед боту неслись с берега прощальные приветствия, а он, подгоняемый легким ветерком, под парусами направился вдоль острова к югу. Командир надеялся через пролив Фриза пройти в Охотское море. Все четырнадцать соплателей почувствовали облегчение. Давно уже не было такого веселого настроения. Другими глазами и без грусти они в последний раз посмотрели на то место, где так печально оборвался их рейс и где было пережито столько горьких минут. "Олдгамия" здали оставалась в прежнем положении, но уже обглоданная пожаром и представляющая собою обезображенный скелет. Капитанский мостик, штурманская рубка и другие верхние надстройки, раньше блестящие эмалевой краской, превратились в груды обгорелого железа с торчащими мачтами и трубами. Подоженная месяц тому назад, она все еще дымилась, огонь еще находил горючее в огромных трюмах этого океанского парохода.

Сырые тучи, как бы оседая, ниже опустились над океаном. Ветер слабел. Бот сложил свои парусиновые крылья, но продолжал двигаться вперед. Восемь гребцов, сгибая спины, старательно наваливались на весла. Матросы отсидели ноги, согнутые в тесноте, но все были бодры. Ведь с каждым взмахом весел укорачивался путь, ведущий этих людей к их цели. Так гребли моряки до позднего вечера, пока не попала им удобная бухточка, куда они и завернули.

Не выходя на берег, они ночевали в боте - по очереди дежуря, чтобы не вынесло их в море. На рассвете проснулись, позавтракали и тронулись дальше в путь. Утро было туманное, безветренное, с проливным дождем. Бот под веслами медленно подвигался вперед и, боясь пройти мимо пролива, держался ближе к берегу.

В полдень заметили, что высокий горный кряж острова Уруп становился все ниже, потом скат его обрывался мысом. Дальше начинался пролив Фриза.

- Нобунотс, - сообщил командир название этого мыса по лоции. - Тут на милю тянется подводный каменистый риф. Не будем сразу сворачивать в пролив, гребите прямо на противоположный берег острова Итуруп.

Справа внимание всех привлекла своим четким рисунком отдельно возвышавшаяся скала. К северо-западу за милю от мыса на проливе она стояла, как на постаменте. По своей причудливой форме она представляла собою огромный макет старинного корабля. Казалось, не природа, а искусная рука скульптора высекала из каменной глыбы и корпус его и высокие, надутые ветром паруса над ним. Вероятно, такое впечатление от этой скалы, как от настоящего корабля, поразило воображение первого увидевшего ее мореплавателя, и за ней навсегда сохранилось и вошло в лоцию самое подходящее название: "Парус".

Пролив имел около тридцати миль ширины. На его просторе сразу изменилась погода: подул норд-вестовый ветер, он заметно усиливался и свежел. Моряки обрадовались ему и поставили паруса. Идти стало легче. С моря клоками сгоняло туман.

Вдруг с левого борта возник сильный шум, распознать причину которого сразу не могли даже опытные моряки. Он приближался со стороны океана.

- Не поймешь, что!

- Неужели японский катер?

Эти испуганные возгласы заглушил громким выкриком сидевший на носу матрос Кошелев:

- Кит! Прямо на нас прет!

Из тумана на бот надвигалась черная лоснящаяся груда, длиной в большую баржу, спереди над ней веером высоко хлестал шумный фонтан брызг.

- Держи вправо! - скомандовал Трегубов рулевому.

Близость морского чудовища, в сравнении с которым бот казался игрушкой, устрасила людей. Некоторые схватились за винтовки, но стрелять не пришлось. Кит сделал крутой поворот влево, взметнув мощным хвостом. Высокий вал захлестнул бот, обдав людей холодной соленой водой. Некоторые ахнули не то от испуга, не то от изумления, но все сразу почувствовали, что холод доходит до колен. Бот наполнился водой до банок. Все бросились вычерпывать воду, кто чем попало: чайниками, кружками и корцом.

Кит скрылся в туманной дали океана, а бот, повернувшись от кита вправо, оказался на своем курсе и продолжал путь вдоль пролива Фриза. Показалась северо-восточная оконечность острова Итуруп. Командир сразу узнал ее по высокому и обрубистому мысу с приметными тремя сосками горных утесов, обозначенных в лоции.

Ветер свежел и, достигнув пяти баллов, развел крупную зыбь. Чем больше бот углублялся в пролив, тем труднее становилось плавание. Приходилось лавировать в бурлящей толчее, происходившей от столкновения приливно-отливных течений, быстрин и сулоев. Боясь, как бы ветром не сломало мачту, убавили площадь паруса, но вместе с тем, чтобы не уменьшился ход бота, опять матросы заработали да веслах. К вечеру кое-как преодолели пролив и вышли в Охотское море. Но в этой отчаянной борьбе бот был искалечен: толчеей и зыбью его так расшатало, что он по пазам дал течь. Да и сверху через его борта захлестывало волнами. Вода поднялась выше колен. Матросы беспрерывно ее отливали, но она все прибывала. Часть команды укачалась и ничего не могла делать.

Боцман Гоцка остался на острове Уруп, но теперь о нем вспоминали с благодарностью.

- Молодец боцман - заставил тросом скрепить бот. Без этого наше суденышко развалилось бы, как старое корыто, - первый заговорил машинист Кучеренко.

Леконцев, оглянувшись на командира, углубившегося в морскую карту, поддакнул:

- Да, если бы не трос - давно бы нам быть на дне моря.

Командир как будто не слышал этих разговоров. По-видимому, он и сам теперь сознавал, что боцман был прав, и, оторвавшись от карты, взглянул вперед. Перед ним, волнуясь, грозно расстилалось Охотское море, с мглистыми далями. Пускаться в большое плавание на протекающем боте было рискованно. Вода в нем, прибывая, скоро может соединиться с уровнем моря, и тогда – всем конец. Трегубов, обращаясь к команде, мирно заговорил:

- Смотрел сейчас по карте. На всем северном берегу острова Итуруп нет ни одного заливчика, где бы можно нам было укрыться от ветра и отдохнуть. Да и бот нужно починить. Попробуем в Кунаширском заливе свое счастье. За это время, может быть, погода улучшится.

Обратно по проливу бот понесся почти с попутным ветром. Весла были уже не нужны. У людей теперь была одна забота - борьба с течью. Кроме Леконцева и Кучеренко, воду начали отливать еще двое: рулевой Рекстен и матрос Кошелев. Так плыли около двух часов. Северо-восточную оконечность острова Итуруп огибали уже в темноте. Здесь расположена удобная Медвежья бухта, где можно было бы переночевать. Но, приближаясь к ней, моряки заметили сверкнувший огонь на берегу. Несомненно, это были японские рыбаки. Чтобы не попасть в плен, бот прошел дальше и скрылся за выступом скалы. Защищенный от ветра, он остановился. Командир приказал направить его ближе к берегу, но подойти к нему не удалось - мешали подводные камни. Всю эту тихую и темную ночь по очереди отливали воду. С рассветом 24 июня все принялись за ремонт бота, законопачивая пазы лоскутьями от одежды, сигнальными флажками и носовыми платками.

К восьми утра борьба за плавучесть судна была закончена – течь прекратилась. Люди принялись завтракать. Вдруг с северо-востока набежал шквал, надул парус, бот выбрался из-за прикрытия скалы и направился на юг вдоль острова Итуруп. Течи больше не было. Это утешало людей. Весь день стояла хорошая погода. Люди могли отдохнуть и восстановить силы. Но вечером ветер совершенно стих, и моряки опять взялись за весла. Бот пошел тише.

Ночью наплыл густой туман. Переменяясь с дождем, он не прекращался еще два дня, которые без ветра были очень мучительными для людей. Расстояние вдоль острова Итуруп более ста миль было пройдено. Они поравнялись с юго-восточным мысом этого острова, обрывавшегося скалистой возвышенностью. Здесь начинался вход в Северный Кунаширский пролив. Люди сперва обрадовались, но тут же они с ужасом увидели, что течение пролива их относит в океан. Для них это означало гибель. Люди напрягли последние усилия, но желанный пролив от них удалялся. Течение было значительно быстрее, чем ход бота. Люди догадались стороной подойти к прежнему месту, но при попытке войти в пролив их опять подхватило тем же течением и понесло на восток. Так повторялось несколько раз. Состояние моряков напоминало людей, карабкающихся по крутому подъему ледяной горы - они поскальзывались и катились вниз. Измученным гребцам ничего больше не оставалось, как переночевать под берегом острова.

Утро 27 июня принесло несчастным скитальцам облегчение: подул южный ветер. Они обогнули мыс и при попутном ветре, преодолевая течение, вошли в Северный Кунаширский пролив. Слева, на северном берегу острова Кунашир, вблизи которого они держались, возвышалась величественная гора. Она имела форму двух срезанных сопков, выходящих одна из другой, и напоминала собою искусственный обелиск.

- Это известный пик Антония, высотой больше семи тысяч футов, - пояснил командир, глядя на карту.

Матрос, сидевший сложа руки под парусом, ответил ему:

- Вот гора! Как настоящий памятник!

- Смотрите - маяк перед ней торчит, как спичка перед телеграфным столбом, - сказал его сосед, указывая рукой на шестиугольную белую башню.

Сидевший на носу впередсмотрящий матрос Леконцев негромко вскрикнул:

- На берегу вижу сигналы флажками. Нас заметили японцы.

- Это, вероятно, их телеграфный пост, - заметил командир.

При этих словах все люди, как по команде, пригнулись на сиденьях, а бот, как бы выполняя их желание, продолжал идти своим путем. Но почему-то погони за ним не было. Очевидно, японцам и в голову не могла прийти мысль, что русские могут очутиться в таком глубоком их тылу, в необжитой, суровой местности.

Опасность встречи с японцами миновала. Бот, подгоняемый попутным ветром и течением, мчался по волнам, как на гоночных соревнованиях. Всех удивило - почему при входе в пролив течение было в обратную сторону, а теперь, словно смилостивившись над моряками, оно несло их вперед.

- Как на тройке скачем по ухабам! - воскликнул кто-то на носу, а голос с кормы ему ответил:

- Так мы через два дня будем на Сахалине чай пить.

Скоро маяк остался позади едва заметной белой вышкой, и только огромный пик Антония, упиравшийся в небо, все еще хорошо был виден издали. Проходя мимо северного берега острова Кунашир, моряки смотрели на голые отроги трех горных кражей, на лесистые ущелья между ними и долины.

Отдыхая под парусами и развлекаясь открывающимися новыми видами природы, люди начали забывать о перенесенных испытаниях трудного пути, но невзгоды как будто подстерегали их каждый раз внезапно. Началось странное явление - ветер постепенно слабел, а зыбь еще больше увеличивалась. На середине пути в воздухе наступило полное затишье, паруса повисли, как тряпки, и бот совсем остановился. Но кругом, на всем

пространстве пролива между островами, вода бурлила, как кипяток в кастрюле на жарком огне. Здесь не было правильного чередования волн, какие обычно ходят по морю. Короткие и крутые, как будто выталкиваемые снизу, они дыбились на высоту до двадцати пяти футов и, как лохматые великаны, с яростью обрушивались друг на друга, дробясь и обдавая людей солеными брызгами.

Все это происходило оттого, что здесь сталкивались два противоположных течения: холодное - с Охотского моря, другое - теплое - со стороны Великого океана. Таким образом, океан и море вели здесь вековую борьбу. Много морей уже поглотил Великий океан и еще хотел поглотить одно, но оно отгородилось от него Курильской грядой. В этом сражении море выдвинуло против океана острова, точно неприступные крепости, а проливы между ними были ареной ожесточенной схватки. Утлый бот с русскими моряками попал здесь в спор стихий и на себе ощущал бушующую войну течений, напивавших друг на друга с двух сторон - от моря и океана. Он повертывался, крутился, плясал на волнах, но не двигался с места, как будто стоял на приколе.

- Опять мы в мертвом пространстве! - с досадой сказал командир.

Моряки поняли, что дело их плохо, и начали усиленно грести. Однако они не могли на веслах справиться с напором воды, чтобы направить бот по своему пути: он болтался, как чурка в проруби. Многих из команды это приводило в отчаяние, они не знали, что делать, как не знали и того, долго ли будут находиться в таком положении. Была угроза, что бот может развалиться. Часть людей отливала воду, другие поправляли те места в пазах, где ослабла конопатка.

Прошло несколько часов.

- Вся наша надежда на ветер, - упавшим голосом сказал Трегубов, мрачно оглядывая уставшую команду.

Дремавший рулевой Рекстен лежа открыл карие глаза, сунул в рот указательный палец правой руки и потом поднял его высоко вверх над собой. На мокром пальце его ощутился холодок от легкого дуновения южного ветерка, который иначе никак нельзя было почувствовать. Он сказал:

- Ага! Скоро тронемся, ваше благородие. Пока чуть-чуть веет попутный зюйд. Наверно, разойдется.

Отупотребления соленых консервов всем очень хотелось пить, но вдоволь пресной воды не выдавалось. Люди принимались курить, торопили матроса Леконцева скорее разогревать чайник на его самодельной железной печурке, устроенной в носовой части на камнях. От разожженных углей потянуло дымком, запах его был приятен морякам, он напоминал мирную домашнюю жизнь на далекой родине.

- Самоваром запахло! - вздохнув, сказал кто-то. - Теперь бы целый самовар один выпил за присест.

- Придется ли нам вообще попить чаю дома? - ответил другой голос.

Слабый южный ветерок стал чувствительным для всех. На мачте поспешно подняли парус. А когда поспел чайник и Леконцев стал торжественно разливать чай по кружкам, вдруг налетел сильный шквал, ударил в парус и резко качнул бот в сторону. Сшибленный с ног толчком, Леконцев повис за бортом, только сжатые в тесноте ноги удержали его от падения в воду. Но чайник с кипятком вырвался из его рук, упал за борт и потонул. Матросы разразились руганью. Всем было жаль драгоценной воды, каждая капля которой была на счету.

- Не ругаться, а радоваться надо. Ветер - спаситель нашей жизни, - оправдывался обиженный Леконцев, неудачно выполнявший роль кока.

Как ни велика была неприятность потерять чайник с кипятком, но причина, вызвавшая ее, одновременно доставила людям и радость: под ветром паруса теперь преодолевали встречное течение, и бот продолжал путь по проливу.

Вечером бот поравнялся с крайним мысом острова Кунашир, и перед людьми открылся широкий простор Охотского моря. Командир достал карманные часы, взглянул на них -

стрелка показывала цифру семь. Он приказал повернуть к берегу, чтобы запастись пресной водой - она была уже на исходе. Но через некоторое время было ясно видно, как высоко вздымался морской прибой, ударяясь о крутые каменистые обрывы острова.

- К берегу, знать, не подступиться - разобьемся. Потерпим, ребята, до Сахалина. Экономнее будем обращаться с водой. А пока воспользуемся попутным ветром.

В голосе командира прозвучало сожаление.

В море бот шел под одними парусами. Ветер разгуливался, а через три часа плавания достиг шести баллов. Волны, усиливаясь, вкатывались через бот. Ночью люди не гребли, но устали больше, непрерывно отливая воду.

Утром, оглядываясь, они с удивлением заметили, как недалеко от них были берега. Вершины гор издали казались еще выше, чем они были вблизи. А с левого борта заманчиво и близко виднелась большая земля. Командир знал, что это был остров Иезо с удобными бухтами, где можно укрыться и запастись пресной водой. Но подойти к нему, густо населенному японцами, означало верный плен.

Бот шел дальше. Берега скрывались с глаз. Впервые люди очутились в открытом море. И для них, обессиленных уже раньше, медленно зачередовались дни и ночи, без сна и отдыха, то обнадеживающие, то угрожающие. Жизнь на боте, у которого не была окончательно устранена течь, зависела от капризов погоды, а она постоянно менялась. Когда окутывал море густой туман, плавание продолжалось вслепую, и не было возможности определить свое место. Ветер, меняя свое направление, иногда как бы сочувствовал несчастным скитальцам и гнал их по курсу, а иногда как бы становился поперек дороги и не пускал их вперед. В особенности им досталось в нордовый шторм. Обдавая ледяной стужей, он отбросил их назад на десятки миль. Всем казалось, что наступил конец. Эта мысль особенно пугала их потому, что им ничего не было известно о первой партии, отправившейся на Сахалин, и они считали ее погибшей. Они тоже ждали такой же участи. Но бот каким-то чудом пока уцелел, и окоченевшие на нем люди все еще копошились, находясь по пояс в воде и не переставая отливать ее за борт. Не было покоя и во время затишья - приходилось грести. В тесноте нельзя было ни прилечь, ни вытянуть одеревеневших ног. Даже в те редкие часы, когда можно было бы соснуть, люди сидели и, скорчившись, только дремали. С тех пор как они оставили остров Уруп, на них ни разу не просохла волглая одежда, и они мокли в соленой воде, как в рассоле. Тела их сморщились, посинели.

Команда угрюмо молчала. А если кто начинал говорить, то другие не сразу поддерживали его, словно не понимая, о чем речь. В словах слышались думы об иной жизни, чем на этом жутком боте.

- Тот, кто останется из нас жив, никогда не забудет о наших приключениях, - словно сквозь сон, пробормотал Кошелев.

Через минуту заговорил Леконцев:

- А у меня на родине теперь весна в разгаре: сирень цветет, соловьи поют.

- Эх, поваляться бы на душистой травке под горячим солнцем, - мечтал вслух Кошелев.

- А ну вас к лешему с такими разговорами! - рассердился Кучеренко.

Минут десять длилось молчание, и снова подал голос Леконцев:

- Чуяло мое сердце - плохо будет. Как не хотелось расставаться с броненосцем!..

Слова Леконцева напомнили людям об эскадре. Всех занимал вопрос, что стало с ней? Никто не думал о победе над японцами, но все были уверены, что большинство русских кораблей стоит уже во Владивостоке. И опять мысль возвращалась к берегу:

- Наши товарищи, наверно, в городе погуливают или в трактире чайком забавляются.

- А у кого возлюбленные есть - тем еще лучше.

- А у нас пресной воды в досталь нет.

- Нам хоть бы часика три в тепле полежать, руки и ноги расправить, отдохнуть...

Кучеренко старался отвлечь команду от тяжелых дум и заговорил о другом:

- Знал я одного барина. Большой офицерский чин имел. Богатства у него за год не сосчитать. И простяга был на редкость. Когда варили для него яйца в скорлупе, то он брал себе только яйца, а бульон от них отдавал своему вестовому. Вот какие бывают добрые господа.

Некоторые матросы устало улыбнулись на слова Кучеренко. В другое время и в другом месте за такие речи командир подверг бы матроса наказанию. Но теперь он только взглянул на Кучеренко и ничего не сказал. Быть может, он иначе стал расценивать своих подчиненных, которые во время этого тяжелого плавания проявили подлинное мужество. Нельзя было не уважать людей, отважно боровшихся со смертью. От нее отделяли их только тонкие дощечки, но она все-таки проникала в бот через щели, она лезла через борта зеленой шипящей массой волн, обдавая тела холодом. В данном случае шутка, хотя и ядовитая, не прозвучала для Трегубова дерзостью. Вероятно, он сделал вывод, что эти люди, неутомимо боровшиеся с препятствиями на пути к родине, точно так же доблестно вели бы себя и в боевой обстановке.

С каждым днем положение команды ухудшалось. Истощались последние силы. А кругом ничего не было видно, кроме мутного неба и колыхающейся поверхности моря. Напрасно взоры, устремленные вперед, искали землю. Остров Сахалин, служивший только местом ссылки за тяжкие преступления, а этих моряков манившие как желанный приют, не показывался, словно навсегда исчез в бесконечном водном пространстве. Холодом, греблей, жаждой, недоеданием, бессонницей, постоянным отливанием воды из бота, ожиданием гибели в волнах люди были доведены до иступленного отчаяния. Они потеряли представление о времени и, очнувшись от забытья, не знали, какая часть дня проходит пред ними - вечер, утро или полдень. Некоторые из них начинали бредить.

Командир не работал, но и у него был вид замученного насмерть человека. Он ел и пил наравне с командой, нисколько не увеличивая себе порции, а спал меньше других, боясь сбиться с курса. Похудевшее лицо его посерело, обросло черной щетиной, глаза потеряли прежний блеск и потускнели, словно налились мутной водой. С трудом открывая отяжелевшие веки, он подбадривал своих подчиненных, доказывая, что скоро покажется на горизонте Сахалин.

И бот даже при затихшей погоде, под одними только веслами, хоть медленно, но двигался вперед.

Лунной ночью 1 июля заметили черноту на горизонте. Это была земля. Неясный вид ее возвращал людей к жизни. Бот подходил ближе, и командир пояснил:

- Вот и Сахалин. Узнаю мыс Анива, Корсаковск - за ним недалеко. Надо взять левее. Обойдем его, и мы - дома.

Бот начал под парусами огибать два высокие утеса, разделенные отлогим ущельем. От этого мыс выдавался в море седлом. Когда он оказался на правом траверзе, командир приказал повернуть вправо и направиться в глубь залива. Свежий встречный ветер не унимался, и бот, лавируя, очень медленно шел вперед. Это шатание из стороны в сторону увеличивало расстояние до Корсаковского поста в несколько раз. Люди видели берега родины, они казались такими близкими, но только около шести часов вечера 3 июля бот под веслами приблизился к мысу Эндум. Отсюда было видно, что на рейде стоят суда. Все были уверены, что тут могут быть только русские корабли. Надеждой загорелись глаза - не напрасно люди перенесли столько мучений и страданий. Мечтами они были уже на берегу, но командир вернул их к действительности, громко выкрикнув:

- Табань! Назад! Вижу японские флаги! Корабли не наши!

Матросы с тревогой молча всматривались в корабли, на которых можно было различить флаги Восходящего солнца.

Повернув обратно, бот пошел в сторону вдоль берегов - подальше от Корсаковского поста, и приткнулся на отмели против Савиновой пади. С кормы поднялся командир Трегубов. Сделав шаг от борта, он упал в воду и растянулся на ней лягушкой. От долгого неподвижного сидения его ноги свело судорогой. Помочь подняться ему было некому,

матросы были еще слабее его от непосильной работы. По мелкой воде от бота до берега большая часть людей ползла на четвереньках, некоторые пробовали брести вброд, но и они скоро валялись с ног. За двенадцать дней плавания на боте в неподвижности и тесноте у них распухли ноги.

В момент их высадки на берегу никого не было видно. Но через несколько минут от поселка в четыре избы к ним направился человек.

- Сейчас от него узнаем, почему тут очутились японские корабли, - сказал командир, вставая, и тут же шатнулся, беспомощно опускаясь опять на землю.

Высадившаяся команда с удивлением рассматривала приближавшегося к ним человека в странном одеянии. Особенно поражало всех птичье оперение этого высокого, кудлатого и горбоносого старика. На нем были портки из птичьих шкурок, на ногах - бахилы из горла морских львов. Быстрой и легкой походкой он шел к морякам, глядя на них черными глазами, игривый блеск которых очень оживлял его бородатое лицо типичного южанина.

- Черкес, наверно. Как его сюда занесло? - проговорил тихо матрос Кучеренко.

Старик ласково поздоровался с командой, улыбнулся и поспешно с кавказским акцентом заговорил:

- Видал, как выпалзывали на берег. Гадал, гадал, думаю, так и есть. Наши матросы, раненые. Конечно, под Цусимой искалечены. Полтора месяца прошло, а вы все плыли. Как это оттуда на лодке вы могли сюда добраться? Удивительно.

- О какой Цусиме вы говорите? - спросил командир.

- А как же! Вы же в Цусимском бою были? Говорят, ужасное дело было!

- С нами хуже боя получилось. Еле выжили. А ты, дедушка, скорей скажи нам, не слыхал ли что-нибудь о нашей эскадре?

Этот вопрос мучил команду во время всего пути. И сейчас, ожидая ответа, моряки напряженно уставились на старика. А он настороженно оглядывал незнакомых ему людей. Очень подозрительна была их худоба - кожа да кости, в морской форме. По тому, как некоторые из них тарасили на него лихорадочно блестящие глаза, а другие замерли в застывших позах с мертвенно бледными, изнеможенными, грязными и обросшими щетиной лицами, - они могли ему показаться безумцами. Но тут же, как бы что-то сообразив, старик покачал седой головой и заговорил:

- Эге, да вы, видать, ничего не знаете. А ведь большой морской бой был при Цусиме. Наши разбиты. Два адмирала - Рожественский и ебогатов - в плену. Только три корабля дошли до Владивостока. Народу-то нашего сколько погубило! Сперва никто не верил. Потом уже в газетах прочли.

Эта страшная весть ошеломила моряков. Они долго молчали, не в силах выговорить слова от потрясения. Оправившись от первого впечатления, моряки начали расспрашивать о подробностях боя. Вторым, не менее сильным ударом для них было сообщение-старика о занятии японцами неделю тому назад Сахалина.

О себе старик рассказал, что он - грузин, политический ссыльный. С молодости он отбывал на Сахалине долголетнюю каторгу. Остался здесь поселенцем.

Командир объявил команде о своем намерении немедленно покинуть оккупированную неприятелем территорию и направиться во Владивосток. Но от старика узнали, что японцы отобрали у жителей продукты, и запастись ими в путь здесь невозможно. Это обстоятельство, а также и жалкий вид измученной и больной команды вынудили его отказаться от своего решения. Тогда Трегубов распорядился выбросить из бота винтовки, револьверы, а сам он деньги и документы зарыл в землю.

Настроение команды упало. Нечеловеческие и необычайные трудности претерпели люди, стремясь на родину, но вместо этого попали прямо в плен. От чего так долго с таким упорством бежали, к тому и пришли.

Впоследствии они узнали, что и первую шлюпку постигла та же участь. А оставшиеся на Урупке моряки были сняты японским судном. Разными путями, но все три партии, русских моряков одинаково попали в плен.

Еще до своей гибели "Олдгамия" повлекла за собой потерю русского судна. В начале боя, 14 мая, плавучий госпиталь "Орел", державшийся вдали от эскадры, был неожиданно обстрелян японцами. Но и этим дело не ограничилось. Враги не посчитались с тем, что на нем развеялся флаг Красного креста. Вскоре к нему приблизился японский вспомогательный крейсер "Манжу-Мару" с поднятым сигналом: "Остановиться". Около тридцати японских матросов во главе со строевым офицером появились на борту "Орла". Без команды, как будто у них заранее были распределены все роли, они быстро заняли все отделения, корабля.

При переговорах командира "Орла" капитана 2-го ранга Лохматова и главного врача статского советника Мультиановского с японским офицером присутствовал бывший капитан "Олдгамии" со своими помощниками. Англичане не скрывали своего удовольствия при виде вооруженных японцев. Пошептавшись с английским капитаном, японский офицер объявил командиру Лохматову по-английски:

- Мне все ясно. Под красным флагом вы с врачами занимаетесь военными операциями. На борту у вас военнопленные. Мы забираем ваш так называемый госпиталь, как военный приз. Командую здесь теперь я.

На скуластом лице офицера концы черных косых бровей поднялись еще выше к вискам, как острые крылья стрижа. Японец бесстрастно обвел всех глазами и поднялся по трапу на мостик. В ходовой рубке по его приказанию от штурвала был отстранен русский рулевой, а на его место стал японец. Офицер что-то скороговоркой скомандовал ему. Госпиталь "Орел", забурлив винтами море, повернул в сторону Японии. Противник уводил его с места боя, не дав ему возможности оказывать медицинскую помощь раненым русским морякам.

Главный врач Мультиановский, довольно опытный хирург, оживлялся только в своем операционном отделении. А в обычной жизни этого апатичного толстяка как будто ничто не интересовало, ко всему он относился равнодушно. Но на этот раз круглое лицо его стало багровым, точно ему нанесли личное оскорбление. Враждебно взглянув на Лохматова, словно и тот был в чем-то виноват, он сквозь зубы процедил:

- Пленных на госпитальное судно сажают! Придумала же голова вашего адмирала! И вот вам результаты.

Капитан 2-го ранга Лохматов, высокий и поджарый человек, был из тех командиров, которые прекрасно управляют кораблем без всякого шума и суеты. Большую часть своей жизни он провел в море, плавая на судах Добровольного флота. Любое несчастье он переживал молча. И теперь на его продолговатом, с тонкими чертами лице, обрамленном раздвоенной рыжей бородой, в его больших серых глазах, смягченных сеткой морщинок вокруг них, нельзя было усмотреть ни тревоги, ни беспокойства. Не выпуская изо рта папиросы, он махнул рукой и, высоко держа голову, ровной походкой направился в свою каюту. Это означало, что дело бесповоротно проиграно и поправить его невозможно.

- Скажите, Яков Яковлевич, неужели японцы такие бессовестные, что возьмут наш "Орел"? - волнуясь, обратилась старшая сестра Сиверс к Мультиановскому.

Зная о близости этой сестры к Рождественскому, он замедлил с ответом, словно забыв слова, и, криво улыбаясь, выпалил:

- Нет. Они, вероятно, хотят устроить для нас банкет. И отпустят на все четыре стороны. А вы можете потом поблагодарить своего адмирала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В ленинградском военно-морском архиве, фонд N 417, дело по описи N 81 - "Олдгамия", сохранился этот документ, который был представлен в главный морской штаб Трегубовым при донесении о плавании. Содержание его следующее:

"Прапорщику Трегубову, командиру погибшего призового судна "Олдгамия".
Рапорт. Доношу Вашему благородию, что Ваше снаряжение считаю постыдным и преждевременным бегством от вверенных Вам людей, не согласующимся с долгом чести, а есть позорный инстинкт самосохранения, есть ни на чем не основанное превышение власти, и, кроме того, не служащее на пользу и спасение людей в смысле некомпетентии прапорщика Зайончковского в морском деле и считаю его приказ одним из тех бессмысленных распоряжений, основанных на личных отношениях, неоднократно сделанных Вами. Прапорщик Владимир Потапов, 22 июня 1905 года".

2. Кроме "Орла", при 2-й эскадре было еще другое госпитальное судно "Кострома". Оно также одновременно было захвачено японским вспомогательным крейсером "Садо-Мару". Но через полмесяца оно было отпущено на основании правил Красного креста в морской войне, установленных на Гаагской международной конференции. Эти правила японцами не были применены в отношении "Орла".